

УДК 930:001.12

**ДВА ВЗГЛЯДА НА ОДНУ ПРОБЛЕМУ:
СТАЛИНСКИЙ ТЕРРОР В НОВЕЙШИХ ЗАРУБЕЖНЫХ
ИЗЫСКАНИЯХ***А.Л. Литвин, А.А. Сальникова***Аннотация**

Рецензия на книги: Naimark N.M. *Stalin's Genocides*. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2010. – 163 p.; *Stalinist Terror in Eastern Europe: Elite Purges and Mass Repression* / Ed. by K. McDermott and M. Stibbe. – Manchester: Manchester Univ. Press, 2010. – 235 p.

Ключевые слова: карательная политика, террор, геноцид, сталинизм, преступления против человечества, СССР, Восточная Европа.

«Американский историк считает голодомор геноцидом украинцев», «В США выпущена книга, доказывающая факты геноцида во времена Сталина», «Голодомор был не единственным сталинским геноцидом» – такие заголовки заполнили российский и в еще большей степени украинский Интернет в ноябре 2010 г. Речь шла о только что появившейся книге профессора Стэнфордского университета Нормана Наймарка (Norman Naimark) «Сталинские геноциды», в которой автор вновь обратился к, казалось бы, достаточно хорошо исследованной, но по существу своему вечной теме – теме массовых убийств и преступлений против человечности в период сталинского правления в СССР.

Истории советской карательной политики и террору посвящено, как известно, довольно много работ (см. [1–3] и др.), тем не менее эти проблемы по-прежнему привлекают исследователей. Среди новейших, опубликованных в 2010 г. работ зарубежных историков, посвященных изучению этой проблемы, можно назвать в первую очередь вышеупомянутую книгу Н. Наймарка о сталинском геноциде [4], а также сборник статей о сталинском терроре в странах Восточной Европы, изданный под редакцией британских исследователей Кевина Макдермотта (Kevin McDermott) и Мэттью Стибба (Matthew Stibbe) [5].

Норман Наймарк – известный специалист по изучению геноцида и этнических чисток в странах Восточной Европы XX столетия. Свою новую работу, вышедшую в серии «Права человека и преступления против человечества» (редактор серии – Э.Д. Вейц), Наймарк определил как «короткую книгу, в действительности даже расширенный очерк», а основной задачей поставил доказать, что «массовые сталинские убийства 1930-х годов следует классифицировать как геноцид» [4, р. 1]. Автор обратил внимание на особую трудность аргументации этого положения, поскольку в то время в СССР, по его словам, не было единого случая геноцида, а была «серия взаимосвязанных атак на “классовых врагов”

и «врагов народа»». Поэтому, полагает Наймарк, сталинское правление 30-х – начала 40-х годов XX в., когда были репрессированы миллионы людей, следует рассматривать «как важную главу в истории геноцида» [4, р. 2], а сложившийся тогда в СССР режим правления – как режим «геноцидального» характера.

Наймарк дает своё определение «геноцида» как «систематического массового уничтожения, сознательно совершаемого политической элитой государства против целенаправленно избранной группы внутри или за пределами этого государства». «Именно это должно отличать геноцид от таких форм массового убийства, как погромы, резня или террористические взрывы», – поясняет он далее [4, р. 4]. Наймарк пытается обосновать своё понимание геноцида в главах книги, посвящённых И.В. Сталину, раскулачиванию, голодомору, переселению отдельных народов, большому террору. Анализ этих сюжетов, впрочем, не отличается особой новизной, как и вся работа, носящая скорее характер политологического, нежели исторического исследования. В ней нет историографического и источниковедческого разделов, поэтому создается впечатление выборочного использования автором только тех фактов и документов, которые нужны были ему для доказательства его положений, и игнорирования тех сведений, которые не вписывались в представленную им картину «всеобщего геноцида» той поры. Включение таких разделов в книгу Наймарка сделало бы более очевидным, что нового он вносит в понимание истории сталинизма и почему термин «геноцид» применяется им к столь масштабным политико-экономическим репрессивным кампаниям, как раскулачивание, голодомор и прочее. Ведь эти сюжеты уже неоднократно рассматривались во многих исследованиях (в частности, в работах В.П. Данилова, В.В. Кондрашина, Н.А. Ивницкого, Р. Конквеста, Ш. Фитцпатрик, Ю. Слезкина и др.), но их авторы не определяли изучаемые явления понятием «геноцид»¹. В полемике с этими и другими специалистами, а также при более пристальном прочтении и анализе разнообразных источников, и прежде всего источников документальных (см. [7–9] и др.), могли бы появиться и более значимые аргументы *pro et contra* выраженной точке зрения.

Во второй главе работы – «Создавая геноцидарию» (“The Making of a Genocide”) – реконструируется биография Сталина. Завершается эта глава выводом о том, что по рождению этот человек геноцидарием не был, а стал им под влиянием жизненных обстоятельств, а может быть и потому, что слишком увлеченно продолжал карательную политику Ленина, учеником которого не раз себя провозглашал. Автор утверждает, что в действительности Сталиных было два: Сталин живой, настоящий, со всеми присущими ему слабостями и противоречиями, и сконструированный им же самим Сталин вымышленный – могучий, сильный, значительный, в существовании которого постоянно приходилось убеждать окружающих, и не дай Бог кому-нибудь было в этом усомниться [4, р. 50]! Хотя представленный автором портрет Сталина в значительной степени основан на хорошо известных, даже хрестоматийных фактах его биографии, образ получился довольно убедительным и ярким, а небольшой и, вероятно, далеко не основной раздел книги – едва ли не самым удачным в ней.

¹ 9 декабря 2007 г. участники международной научной конференции в Париже «1937–1938: Апогей большого сталинского террора» не назвали этот террор геноцидом [6].

Однако главным в работе Наймарка является, безусловно, не личность самого вождя, а выявление основных геноцидарных характеристик сталинского режима. Наймарк прямо увязывает появление геноцида в советской России со сталинской диктатурой и считает нецелесообразным применять этот термин к более раннему периоду советской истории, в частности распространять его на массовые убийства «ужасающего характера», имевшие место в годы гражданской войны [4, р. 14]. Но если строго следовать предлагаемому Наймарком определению, понятие геноцида вполне можно распространить и на советский декрет об отмене сословий царской России (10 (23) ноября 1917 г.) и преследование лиц дворянского происхождения, и на процесс расказачивания, имевший место в 1919–1920 гг. и положивший конец существованию казачества как особого военного сословия. Непосредственным призывом к геноциду можно считать и заявление чекиста М. Лациса, сделанное им в 1918 г.: «Мы... не боремся против отдельных личностей, мы уничтожаем буржуазию как класс» [10]. Однако правильно ли это? Не происходит ли в таком случае расширения понятия вплоть до безграничности?

Под геноцидом в международном праве понимается истребление отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим и религиозным признакам, а также умышленное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этих групп. Между этим определением геноцида и тем, что предложено Наймарком, есть общее положение, связанное с уничтожением, или истреблением отдельных групп населения. Но Наймарк обвиняет в организации массовых репрессий политическую элиту государства и раздвигает границы понятия «геноцид», не ограничивая его расовыми, национальными, этническими и религиозными признаками.

Заметим сразу, что формула Наймарка весьма уязвима при столкновении с советскими реалиями, хотя её гуманистическую направленность можно только приветствовать. Мировая история полна примерами массовой гибели людей от голода, болезней, войн и депортаций. Наиболее крупной формой геноцида XX века является Холокост – уничтожение 6 миллионов евреев нацистами Германии только за их национальную принадлежность. События в СССР имели одно отличие от подобного рода геноцида. Здесь также преследовались евреи, подвергались депортации многие народы, раскулачивание стало трагедией для миллионов крестьян. Но их отправляли в спецпоселения¹, в необжитые районы страны, ограничивая свободу передвижения, а не в газовые камеры, как это делали нацисты с евреями и другими неугодными им народами. Но если происходившее в то время все же можно назвать геноцидом, признавая, что он имел разные формы, то вряд ли определение «геноцид» применимо к большому террору середины 30-х годов и так называемому голодомору.

Как известно, термин «большой террор» стал особенно популярен после издания одноименной книги Р. Конквеста (1974) и касался он репрессий в России 30-х годов XX в. [12]. Но на самом деле в советской России не было ни «большого, великого», ни «малого, ограниченного» террора, а был один государственный

¹ В октябре 1946 г. в спецпоселениях НКВД СССР (Сибирь, Казахстан, Урал, Средняя Азия) находилось около 2,5 млн. человек, из них примерно треть составляли дети в возрасте до 16 лет. Это были люди разных национальностей, в их числе и раскулаченные [11].

террор против сограждан. Он был легализован правительственными декретами от 18 февраля 1918 г. о введении внесудебных расстрелов и от 5 сентября 1918 г. о красном терроре. Сталин лишь продолжил и усовершенствовал репрессивную политику Ленина, придав ей немислимый размах и неслыханную жестокость. В 1918–1922 гг. во время гражданской войны в стране примерно 1.3 млн. человек стали жертвами красного, белого, бандитского террора и погромов. Разве эта цифра не показатель большого террора? Конечно, в 30-е годы, в период утверждения в стране тоталитарного режима продолжалось уничтожение советских граждан в «мирных условиях», но что от этого менялось для невинных жертв террора?

Наймарк признает, что большой террор имел «геноцидальные качества», но не может быть прямо назван геноцидом [4, р. 136]. Он справедливо связывает усиление террора с приказом № 00447, подписанным 30 июля 1937 г. наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым и утвержденным 31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б). На основании этого приказа расстрелу или тюремному заключению подвергались бывшие кулаки, уголовники, активисты бывших политических партий, противники большевизма, члены религиозных общин, бывшие служащие царской администрации, казаки. С августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. было осуждено около 800 тыс. человек: примерно половина приговорена к расстрелу, остальные к длительным срокам заключения в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях. Приговоры выносились внесудебными органами: тройками, двойками, особым совещанием и др. [13, с. 15]. Приказ касался репрессий разных слоев населения, он был преступным по отношению к сотням тысяч граждан страны, тем не менее в нём трудно заметить «геноцидальные качества».

Наймарк назвал голодомор 1932–1933 гг. геноцидом против украинского народа [4, р. 71–75], но был в этом отнюдь не оригинален. В советское время голодными были 1921–1922, 1932–1933, 1946–1947 гг., однако усилиями украинской диаспоры именно голод начала 30-х годов стал именоваться голодомором. В 1993 г. на Украине была создана Ассоциация исследователей голода-геноцида 1932–1933 гг. [14, с. 243, 253, 256, 260]. Известно, что далеко не все специалисты согласны с этим определением, находя его в современных условиях излишне политизированным. В мае 2007 г. в Москве состоялась встреча российских и украинских историков, посвященная обсуждению проблемы «Голод на Украине и в других республиках СССР. 1932–1933 годы. Организаторы и вдохновители». Участники встречи не смогли договориться лишь по одному вопросу: являлся ли голод на Украине геноцидом украинского народа? Российские историки были категорически против такого определения, а потому в резолюции по итогам встречи решено было записать так: «Рассмотрение проблемы необходимо направить из публицистически-спекулятивной в строго научную плоскость» [15, с. 86].

Наймарк занял точку зрения украинских политиков и отдельных историков, игнорируя иные взгляды на проблему, предлагаемые российскими и зарубежными исследователями. Например, он не обратил внимания на полемику о числе жертв голода 1932–1933 гг. в СССР, которая в свое время велась между В.П. Даниловым и Р. Конквестом. Наймарк не раз ссылается на книги Р. Конквеста о сталинском терроре 30-х годов XX в. и результатах коллективизации, но игнорирует тот факт, что в них исследуемые им проблемы отнюдь не названы геноцидом,

да еще одного народа [12, 16]. Вне его внимания осталось и обстоятельное исследование этой проблемы, содержащееся в монографии В.В. Кондрашина, который посвятил специальный раздел своей книги сравнительному анализу причин и последствий голодных лет начала 30-х годов в России и на Украине. В те годы, пишет Кондрашин, голод затронул не только Украину, но и Поволжье, Казахстан, Дон, Кубань, Центральный Черноземный район, Южный Урал и Западную Сибирь. Поэтому «дискуссия на тему, какой народ больше пострадал от сталинского режима, малопродуктивна в научном отношении и опасна в нравственном и политическом». Многочисленные документальные данные позволили российскому исследователю заявить о том, что голод тех лет был общенациональной трагедией, а не только исключительно украинской. Он выразил свое несогласие с теми, кто утверждал и продолжает утверждать, что организация голода была направлена на уничтожение украинского народа – документальных подтверждений этому не найдено. По той же причине Кондрашин не признает и социального геноцида по отношению к крестьянству в действиях сталинской власти. По его мнению, сталинский голодомор – это печальный, трагический опыт политических решений [17, с. 237–248, 370–380]. Мы бы добавили от себя – преступных решений, направленных на уничтожение людей.

Разумеется, автор вправе присоединяться к той или иной точке зрения, но при этом необходима научная аргументация, а не публицистические заявления типа «Сталин не убивал и не депортировал украинцев, но “хотел уничтожить их как враждебную нацию” [4, р. 78–79]».

Значительную роль в развенчании политических спекуляций о том, что голод в стране начала 30-х годов был геноцидом украинского народа, сыграла официальная публикация ранее засекреченных документов. К 60-летию и 70-летию голода на Украине историки республики в доказательство того, что голод был организованным актом геноцида украинского народа, выпустили том документов и монографию [18, 19]. В первой книге собраны воспоминания очевидцев голодомора и документы, подтверждавшие свидетельства крестьян. Выяснилось, что голодные смерти на Украине прекратились только после сбора нового урожая в конце 1933 г., а всего на Украине от голода погибло 3.5–4 млн. человек – примерно половина от всех потерь сельского населения СССР. Однако свидетельств того, что это были только украинские (по национальности) крестьяне, нет: это были сельские и городские жители республики, погибшие в результате голода, люди разных национальностей. В тот период на Украине, как известно, проживало не менее миллиона русских крестьян. Тогда же Поволжье потеряло около 1 млн. человек, Казахстан – примерно 2 млн. По разным подсчетам, всего голодало в то время не менее 25–30 млн. человек. Анализ писем трудящихся России тех лет свидетельствовал об идентичности высказанных в них жалоб воспоминаниям украинских крестьян. Принятый тогда закон о паспортизации населения страны за исключением крестьян (27 декабря 1932 г.), а также строго секретная директива за подписью Сталина и Молотова о запрещении массового выезда голодающих крестьян с Северного Кавказа и Украины в западные и центральные районы (22 января 1933 г.) касались всего сельского населения страны¹.

¹ Крестьяне страны получили паспорта только в 1976–1981 гг.

Наймарк не учел всех этих документов и отказался считать голодомор 1932–1933 гг. истреблением всего советского крестьянства. При этом он называл геноцидальным явлением процесс раскулачивания в СССР [4, р. 133]. Известно, что выселение зажиточных крестьян с мест их постоянного проживания затронуло судьбы миллионов людей. В 1930–1934 гг. было выселено из деревень не менее 2.5 млн. человек, из них от холода, голода и болезней погибло не менее 800 тыс., в основном пожилых людей и детей. Наймарк утверждает, что обвинение в принадлежности к кулачеству было наследственным и препятствовало нормальному образу жизни потомков кулаков [4, р. 58–59]. Эти утверждения в значительной степени корректируются работами российских историков, в том числе и тех, кто изучал жизнь кулацких спецпоселений и индивидуальные судьбы раскулаченных (см. [20, 21] и др.). Разумеется, судьбы эти складывались по-разному: одни были призваны в армию и вернулись героями войны, получив право покинуть спецпоселения, другие во время раскулачивания оставили свои хозяйства и переехали в города. Так, внук раскулаченного Б.Н. Ельцин сделал блестящую карьеру, став Президентом Российской Федерации.

Раскулачивание, безусловно, являлось жестокой и бесчеловечной акцией советской власти. Только в 1954 г. были сняты различные ограничения с бывших кулаков, находившихся в спецпоселениях. Можно назвать депортацией сам акт раскулачивания, но геноцидом этого весьма расплывчатого слоя сельского населения – едва ли.

Книга Наймарка, на наш взгляд, излишне политизирована, а многие ее положения недостаточно аргументированы. Новаторским можно считать стремление автора распространить понятие «геноцид» на социальные и политические группы. Но в таком случае присутствует реальная опасность размывания этого понятия и применения его при каждой «удобной» в отношении политической конъюнктуры ситуации. Вместе с тем сама попытка применить понятие «геноцид» к разнообразным явлениям советской истории явно побуждает к их дальнейшему изучению, и в этом заключена безусловная значимость работы американского исследователя.

Резко контрастирует с книгой Наймарка коллективная монография о сталинском терроре в Восточной Европе [5]. Она отличается значительно большей академичностью и научно-объективной аргументацией выдвинутых положений. В 10 разделах книги подробно рассказывается о времени сталинского террора в странах Балтии (Алдис Пурс (Aldis Purs)) и в советской Молдавии (Игорь Кашу (Igor Casu)), в Восточной Германии (Мэттью Стибб), Польше (Лукasz Камински (Lukasz Kaminski)), Чехословакии (Кевин Макдермотт), Венгрии (Ласло Борхи (László Borhi)), Румынии (Деннис Делетант (Dennis Deletant)), в Югославии (Йерца Водушек Старич (Jerca Vodusek Starič)), Болгарии (Йордан Баев (Jordan Baev)) и Албании (Роберт Остин (Robert Austin)). Предисловие, написанное К. Макдермоттом и М. Стиббом, посвящено перспективам и различным интерпретациям исследования проблемы.

Авторы разделов сосредоточили свое внимание на реалиях сталинского террора в тех странах, где политические судебные процессы над видными партийными и государственными деятелями практически зеркально отражали происходившее в 30-х – начале 50-х годов в СССР, и выявили специфику репрессий

и преследований инакомыслящих в них. Определяя террор как «сталинский» и понимая под ним «сознательную попытку коммунистических руководств разрушить гражданское общество и его автономные институты прежде всего путем массовых арестов, принудительного труда, переселения подозреваемых лиц, полицейской жестокости и правовых и неправовых наказаний для достижения общей цели... осуществления монополии партийной власти через подавление альтернативных источников власти и [любой] приверженности», при этом не отрицая значительной личной роли Сталина в организации этих событий, авторы утверждают, что, несмотря на это, невозможно объяснить суть происходивших здесь сложных процессов без учета их собственных политических, социально-идеологических и этнических измерений [5, р. 3]¹. Во многих случаях, однако, заимствование методов достижения цели носило «практически буквальный характер», как, например, в Румынии, где показательные политические процессы против выдающихся деятелей партии чуть ли не в точности повторяли происходившие в СССР, в семьях политзаключенных предусматривался принудительный развод, а их детям вплоть до 1963 г. было отказано в поступлении в университеты.

В предисловии редакторы книги отмечали, что авторы её так и не договорились о мотивах террора в тех странах, о которых они писали, о соотношении советского, коммунистического и локального в отношении каждого региона. Одни считали главными причинами проводимых репрессий внешние факторы (советскую оккупацию, наличие советских советников и т. д.), другие видели в этом желание новых коммунистических лидеров избавиться от возможных противников и установить авторитарную власть, третьи полагали решающую роль сыграло переплетение внутренних и внешних факторов. А. Пурс отмечал, например, что в Прибалтике «террор был советским по форме, но локальным по содержанию» [5, р. 5]. Авторы предисловия усматривали основную причину террористических акций в «реальной политике Сталина» и бесконечных попытках органов безопасности, действующих под руководством советских кураторов, найти «врагов». Эти «враги» идентифицировались новыми правителями по советским признакам: кулаки, частные предприниматели, священнослужители, социал-демократы, бывшие офицеры, госслужащие и др. [5, р. 5–6]. В статьях содержатся данные о численности жертв террора, формах его реализации (тюрьмы, концлагеря, расстрелы, показательная пропаганда и т. д.).

Интереснейшим сюжетом книги, проходящим через все её разделы, является сюжет о «герменевтике души» – поведенческих практиках, настроениях и чувствах людей, оказавшихся в условиях сталинского террора.

Книга ценна тем, что в ней ставится много вопросов, требующих дальнейшего изучения. Один из них относится к сравнительному анализу нацистской и советской оккупации. Страны Балтии и Молдавия подверглись советской оккупации в 1940–1941 гг., затем нацистской (со своими фашиствующими лидерами), а с 1944 г. – вновь советской. Можно утверждать, что они были репрессированы трижды. История присоединения и советизации Прибалтики изучена достаточно подробно (см. [22, 23]). Исследования российских историков отличаются предложенной в них трактовкой событий и их оценкой от ряда работ современных

¹ Термин «сталинский» (по отношению к террору, репрессиям, партийным чисткам) присутствует в названиях практически всех разделов книги.

прибалтийских авторов, относящих советскую оккупацию в своих странах к периоду вплоть до 1990 г. и называющих нацистское присутствие в них и участие в борьбе с большевиками борьбой за независимость.

Никто не отрицает жестокости и безнравственности массовых советских репрессий и депортаций тысяч жителей прибалтийских стран. Понятно и желание авторов сборника назвать их «приближающимися к геноциду» [5, р. 20]. Они не считали свои республики советскими, а потому этот террор определяли как репрессии против граждан независимых государств, в отличие, скажем, от депортации кулаков, крымских татар или поволжских немцев, которые были репрессиями в отношении «собственных граждан» [5, р. 35]. С этими выводами трудно согласиться. Укажем на то, что до 1991 г. прибалтийские историки выступали как представители советских республик и славили национальные дивизии как части советской армии. Теперь они выступают с противоположных позиций, именуя свои страны независимыми территориями под советской оккупацией, а тех, кто сражался на стороне наци, – борцами за суверенные государства. Когда происходит такое политико-конъюнктурное изменение мнений, ясно, что требуется более объективное исследование произошедшего. Однако есть и другие причины для его проведения.

В конце 2010 г. Еврокомиссия дала отказ на заявление министров иностранных дел Литвы, Латвии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Чехии о принятии закона о двойном геноциде, согласно которому предполагалось введение уголовного наказания за отрицание преступлений коммунистических режимов по аналогии с действующим в ряде европейских стран запретом на отрицание Холокоста. В ответе Еврокомиссии отмечалось: «Несмотря на все ужасные преступления СССР, нельзя сравнивать людей, которые построили Освенцим, с теми, кто освободил его узников» [24]. И еще... По подсчетам Ю.З. Кантор, к июню 1941 г. в странах Балтии было арестовано 14467 человек, выселено 25711, в общей сложности репрессировано 40178 человек. Нацисты создавали на этой территории Остланд как часть рейха и стали её осваивать, проповедуя идею растворяющейся ассимиляции. Они арестовывали всех, лояльно относящихся к советской власти. В результате в прибалтийских республиках нацистами было арестовано примерно 50 тыс. человек [25]. Это превышает число арестованных советскими властями в прибалтийских государствах накануне войны.

Югославия вышла из-под сталинского влияния в 1948 г., Сталин даже пытался физически ликвидировать И. Тито. Но в Югославии все-таки продолжался коммунистический террор. Польша, к руководству которой Сталин все время относился с подозрением, вдруг, по образным словам советского поэта Булата Окуджавы, стала самой «свободной камерой в социалистическом лагере». Авторы статей о Чехословакии и Венгрии акцентируют внимание на репрессиях конца 40-х – начала 50-х годов, полагая, что именно они были главным в жизни формируемого тоталитарного общества, когда даже высокое положение не гарантировало неприкосновенности [5, р. 119–120, 131, 133–136].

На наш взгляд, важно было бы, говоря о репрессиях, происходивших в те годы в странах социалистического лагеря, более подробно остановиться на движениях сопротивления этому террору: восстании в ГДР 17 июня 1953 г., грандиозной демонстрации жителей Будапешта 6 октября 1956 г., в день похорон Ласло Райка,

а также ошибках советских лидеров, потворствовавших назначению и поддерживавших неавторитетных руководителей этих стран. Российская историография уже отошла от советской оценки венгерского восстания 1956 г. как контрреволюционного и видит в нём народное возмущение деспотическим режимом и национальной униженностью, прежде всего террором. Это восстание явилось проявлением кризиса советской модели организации социалистического общества, а его подавление стало свидетельством неспособности системы решать возникающие проблемы ненасильственными методами. Интересно было бы показать, как сторонники социализма в Чехословакии, занимавшие высокие посты в руководстве страны, постепенно пришли к выводу о возможности «социализма с человеческим лицом» и тем самым также отвергли к 1968 году принципы советского социализма. Вместе с тем статьи сборника являются серьезной основой для дальнейшего изучения заявленной проблемы.

Книга Наймарка и коллективная монография о сталинском терроре в странах Восточной Европы представляют современные тенденции в изучении масштабного и очень сложного научно-исследовательского сюжета. Первая предлагает его политико-конъюнктурное решение, вторая – более объективное рассмотрение поставленных проблем. Однако обе они побуждают к дальнейшему исследовательскому поиску и свидетельствуют о сохраняющемся интересе зарубежной историографии к советской политической истории, в том числе в её взаимосвязи с политическими историями стран Восточного блока.

Summary

A.L. Litvin, A.A. Salnikova. Two Views on One Problem: Stalinist Terror in Modern Western Studies.

Review of the books: Naimark N.M. *Stalin's Genocides*. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2010. – 163 p.; *Stalinist Terror in Eastern Europe: Elite Purges and Mass Repression* / Ed. by K. McDermott and M. Stibbe. – Manchester: Manchester Univ. Press, 2010. – 235 p.

Key words: repressive politics, terror, genocide, Stalinism, crimes against humanity, USSR, Eastern Europe.

Литература

1. *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина в России: совр. историогр. – М.: РОССПЭН, 2009. – 328 с.
2. *Крончев С.А.* Новейшая отечественная историография о масштабах политических репрессий в 1937–1938 годах // *Рос. история*. – 2010. – № 1. – С. 166–172.
3. *Litvin A., Keep J.* *Stalinism: Russian and Western Views at the Turn of the Millennium*. – London, N. Y.: Routledge, 2005. – 248 p.
4. *Naimark N.M.* *Stalin's Genocides*. – Princeton: Princeton Univ. Press, 2010. – 163 p.
5. *Stalinist Terror in Eastern Europe: Elite Purges and Mass Repression* / Ed. by K. McDermott and M. Stibbe. – Manchester: Manchester Univ. Press, 2010. – 235 p.
6. *Крончев С.А.* Международная научная конференция в Париже о сталинском «большом терроре» // *Рос. история*. – 2009. – № 1. – С. 206–213.
7. История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Собр. документов: в 7 т. – М.: РОССПЭН, 2004–2005.

8. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934): в 8 т. – М.: Ин-т рос. ист. РАН, 2001–2008.
9. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: в 4 т. – М.: РОССПЭН, 1998–2004.
10. Красный террор. – Казань. – 1918. – № 1.
11. Справка отдела спецпоселений НКВД о количестве спецпоселенцев на октябрь 1946 г. // Платонов О.А. История русского народа в XX веке: в 2 т. – Т. 2. – URL: http://wordweb.ru/ist_rus_xx/11_11.htm, свободный.
12. *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 1990. – 581 p.
13. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. – М.: РОССПЭН, 2009. – 927 с.
14. *Касьянов Г.* Разрытая могила: Голод 1932–1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // *Ab Imperio*. – 2004. – № 3. – С. 237–269.
15. Голод по-большевистски: организаторы и вдохновители // *Родина*. – 2007. – № 9. – С. 80–86.
16. *Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. – N. Y.: Oxford Univ. Press, 1988. – 421 p.
17. *Кондрашин В.В.* Голод 1932–1933 годов: Трагедия российской деревни. – М.: РОССПЭН, 2008. – 520 с.
18. 33-й: Голод. Народна книга-меморіал. – Київ: Радяньський письменник, 1991. – 584 с.
19. Голод 1932–1933 років в Україні: причини та наслідки – Київ: Наукова думка, 2003. – 887 с.
20. *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы. 1930–1960. – М.: Наука, 2003. – 306 с.
21. *Ивницкий Н.А.* Судьба раскулаченных в СССР. – М.: Собрание, 2004. – 296 с.
22. *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль: 1940–1953. – М.: РОССПЭН, 2008. – 351 с.
23. *Чубарьян А.О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. – М.: Наука, 2008. – 476 с.
24. Еврейское слово. – 2010. – № 48. – 28 дек. – 10 янв.
25. *Кантор Ю.З.* Новые документы об оккупационном режиме на территории «Остланд». 1941–1944 гг. // Исторический источник и проблемы российской истории: Сб. ст. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2011. — С.155–166.

Поступила в редакцию
22.02.11

Литвин Алтер Львович – доктор исторических наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

Сальникова Алла Аркадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии и источниковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Alla.Salnikova@ksu.ru